

ЛЮДИ И ВСТРЕЧИ

РУССКИЙ СОЛОВЕЙ

ИЗ БЛОКНОТА ЖУРНАЛИСТА

ОДНА из первых народных артисток страны, профессор Московской государственной консерватории Валерия Владимировна Барсова последние годы жизни провела в Сочи. Она была членом художественного совета местной филармонии, помогала молодым певцам совершенствовать искусство вокала. Не было, пожалуй, актера, композитора, писателя, которые, приехав в город, не навещали Барсову.

Друзей Валерия Владимировна принимала на приморской даче, укрывшей в тени фруктовых деревьев, в просторной, уютной и несколько старомодной гостиной. У окна стоял любимый черный рояль, еще при жизни завещанный детской музыкальной школе. На стенах — дарственные портреты Собинова, Неждановой и самый большой с надписью: «Валерия Владимировна Барсовой — от души, на счастье. Шаляпин».

— Федор Иванович подарил мне портрет в Риге, в тридцатом году. Пели мы тогда в «Севиальском цирюльнике». Я — Розина, Шаляпин — Дон Базильо. Прошло много лет, а я словно слышу его неповторимый голос. Впервые познакомилось с ним в 1919 году. Тогда и началась дружба с Шаляпиным. Работали вместе в Москве и Петрограде.

Потом Барсова показала мне снимок участников первого спектакля «Иван Сусанин» в Большом театре. В центре — внук Глинки. Справа — дирижер Самосуд. Михайлов — Сусанин, Барсова — Антонида. И вспомнился мне тридцатый год. Я, первокурсник, впервые в Москве. В Большом театре идет «Снегурочка» Римского-Корсакова. В заглавной партии Валерия Барсова. Пела она волшебю, а мы после каждой арии орвали с галерки «Браво! Бис!» И вместе с сотнями давних поклонников ее голоса, одного из самых красивых в мире, еще и еще раз вызывали Снегурочку на сцену.

И вот спустя четверть века я познакомился с В. В. Барсовой. В прошлом знаменитая Розина, Виолетта, Джильда, Снегурочка давно покинула сцену. А глаза — внимательные и дружеские — по-младому блестя. Говорит тихо, слегка нараспев:

— Мы очень дружили и с Сергеем Ивановичем Паторжинским. Любили петь «Во

субботу, день ненастный». Вместе с ним, Ойстрахом, Нечаевым, Савельевой и Ерохиным гастролировали в Финляндии...

...Бывая в доме Валерии Владимировны, я не переставал удивляться ее естественности и уникальной памяти. Однажды, обращаясь к Аркадию Островскому (она любила песни талантливого композитора), Барсова сказала:

— Вы спрашиваете, Аркадий Ильич, есть ли у меня любимый концертный зал? Их много. В Ленинградской филармонии выступали Чайковский, Лист, Берлиоз, Глазунов, Рахманинов. А я там пела с Шаляпиным. В Большом зале моей родной Московской консерватории, где играли лучшие солисты и оркестры мира, я ныне заседаю в жюри музыкальных конкурсов. А концертный зал Шайо — в Париже! А знаменитый Альберт-холл в Лондоне. Пражский зал имени Сметаны. Так что, дорогой мой, залов много «хороших и разных». Так, кажется, говорил Маяковский о поэтах...

И Барсова переводит разговор на другую тему:

— Да, Маяковский, Маяковский... Это было в нашем актерском доме 25 февраля тридцатого года. В тот вечер здесь собралась вся артистическая гвардия Москвы. В зрительном зале — столы. На маленькой эстраде молодежь выступает с «капустниками». И вдруг кто-то громко и требовательно на сцену Маяковского. Поднялся невообразимый шум. Уже все просят Владимира Владимировича выступить. А ему, видимо, не хотелось. Но все же поэт встал и медленной походкой направился к сцене, по пути пожмая руки друзьям. В зале воцарилась тишина. И тогда Маяковский прочитал вступление и поэму «Во весь голос». Когда закончил, несколько секунд стояла мертвая тишина, потом — бурная овация. Все вскочили с мест. Затем попросили на сцену Качалова. Василий Иванович поднялся и сказал: «После Маяковского нельзя выступать». И концерт закончился.

Владимир Владимирович постоянно заходил в наш клуб. Последний раз был незадолго до смерти, играл в бильярд, шутил с товарищами. Помнится, как он уходил: задержался в фойе у бюста Пушкина, слегка погладил его и пошел в гардероб. Это была моя последняя встреча с поэтом...

Валерия Владимировна показывает фотографию (мы ее воспроизводим в репродукции) — актив клуба мастеров искусств в гостях у Константи-

на Сергеевича Станиславского.

— Вот Москва. А это — Бирман, Зинаида Райх, Хенкин. В тот день отмечалось пятилетие нашего клуба. И так как Станиславский был уже тяжело болен, мы, приготовив цветы и небольшой концерт, отправились в гости к своему учителю. Константин Сергеевич вышел к нам бодрой походкой. Ясный такой, улыбочный, здоровался с каждым. Особенно сердечно приветствовал тех, кого давно не видел. Помню, он сказал: «Барсова! За последнее время я слышал о вас много чудес!» Разумеется, чудес никаких не было: просто я очень много работала. Константин Сергеевич говорил с нами о творчестве актера, о том, что оно должно быть многообразным, ярким. Незаметно подкрался вечер. Многие заняты в спектаклях, и беседа пришлось сокращать. Торопимся начать концерт. Все очень волнуется. Мне кажется, что тогда хозяину больше всего понравились детские рассказы Рины Зеленой, куклы Сергея Образцова и юморески Владимира Хенкина — блестящего комического актера, владевшего, по выражению Станиславского, секретом «как смешить серьезно». Концерт окончен. Мы прощаемся с великим мастером, унося каждый вот такой портрет с подписью Константина Сергеевича.

И еще один барсовский комментарий к фотографии, запечатлевшей прием актива клуба работников искусств М. И. Калинин.

— В тот день Иван Михайлович Москвин, Борис Михайлович Филиппов — бессменный заведующий нашим артистическим домом (ласково его называли «наш домовый») и я были приняты Михаилом Ивановичем. Всесоюзный староста подробно расспрашивал о на-

шей жизни, быте. Мы попросили его выступить перед работниками искусств Москвы и тут же получили согласие. Выступление Калинина состоялось в филиале Большого театра, в двенадцать часов ночи, чтобы актеры успели на доклад после окончания спектакля. Помню, как страстно говорил Михаил Иванович о методе социалистического реализма, о том, что каждый из нас должен овладеть им в совершенстве...

— А это — снимок военного, сорок третьего года: Книппер-Чехова, Алексей Толстой, Качалов. Мы беседуем с генералом, прибывшим с фронта... Так что фотографий, как видите, много. И воспоминаний тоже. Но я и так вас заговорила. Давайте лучше пить чай...

Прощаясь, Валерия Владимировна заметила:

— Я много рассказывала о концертных залах. А знаете, какой в моей жизни самый главный? Вот этот!

И она показала пожелтевшую программку. На заглавной страничке читаю: «Программа концерта. 24 мая 1945 года — Москва, Кремль». На первом послевоенном правительственном приеме, устроенном в честь Победы над фашизмом, был представлен цвет советского искусства. Народная артистка СССР В. В. Барсова пела один из вальсов Штрауса и свой коронный «Соловей» Алябьева...

12 июня 1967 года Валерия

Владимировна исполнилось семьдесят пять лет. Юбилей отметили телевизионной передачей из дома Барсовой. Старшего товарища по искусству поздравляли лучшая Чис-Чис-Сан мира Мария Биешу, представители ЦДРИ, музыканты. Последней говорила народная артистка республики профессор Ирма Яунзем.

У меня сохранилась фотография, запечатлевшая в этот момент двух больших певиц России. И надпись на обратной стороне: «В память о телепередаче, которая останется надолго не только в моей памяти, но и в памяти миллионов слушателей — ее свидетелей. Признательная — Ирма Яунзем».

Через два дня на банкете Валерия Владимировна шутила, несколько раз вальсировала и по просьбе зала, стоя приветствовавшего «русского соловья», вдохновенно, со слезами на глазах исполнила романс «Я встретил вас». Вряд ли кто тогда предполагал, что через несколько месяцев перестанет биться сердце великой актрисы.

...На скромной могиле, откуда хорошо просматривается ее любимое море, всегда цветы. И не спят голосистые соловьи. То здесь, то там раздаются их звонкие, рассыпчатые трели.

С. МОНЯК.